

Де-Родерти.

Петръ Крапоткинъ.

(Личность и доктрина.)

Перев. К. Ж.

Цѣна 10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЯКОРЬ“

1908 г.

Де-Родерти.

Петръ Крапоткинъ.

(Личность и докторина.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Я К О Р Ъ“

1906 г.

Крапоткинъ и анархизмъ.

Автобіографіи принято начинать съ болѣе или менѣе искренняго выраженія чувства скромности, и всякій, готовящійся говорить о самомъ себѣ, обыкновенно спрашиваетъ, достойно ли вниманія то, о чемъ онъ будетъ говорить. Книга, въ которой Петръ Крапоткинъ рассказываетъ исторію своей жизни, лишена этого почти обязательнаго введенія и, собственно, не нуждается въ немъ. Авторъ занимается собой весьма мало, и только, такъ сказать, въ силу необходимости, стараясь, главнымъ образомъ, изобразить соціальное и политическое положеніе Россіи до освобожденія крестьянъ и непосредственно послѣ него, описать обычаи Двора, аристократіи и сельскаго населенія, опредѣлить характеръ императора Александра II, оцѣнить вліяніе, оказанное писателями, какъ Некрасовъ и Тургеневъ, изслѣдовать происхожденіе и развитіе революціоннаго духа среди своихъ соотечественниковъ. Можно пожалѣть, что характерныя личныя замѣчанія такъ малочисленны; однако, нѣкоторыя изъ нихъ, особенно касающіяся внутренняго процесса возмущенія самого автора, все же отчасти освѣщаетъ моральную загадку, ключъ къ которой мы ищемъ.

I.

Дѣйствительно, психологіи приходится, относительно Крапоткина, разрѣшить не легкую задачу. Какимъ образомъ благородный потомокъ Рюрика и Ростислава Мстиславича Смѣлаго, великаго князя Кіевскаго, знатный баринъ, носящій гербъ княжества Смоленскаго съ шапкой Мономаха на горностаевомъ полѣ, сынъ князя Алексѣя Крапоткина, полковника и коменданта, владѣльца въ трехъ губерніяхъ тысячи двухсотъ душъ—не считая женщинъ—и обширныхъ пространствъ земли, хозяина пятидесяти слугъ въ городѣ и двадцати пяти въ деревнѣ; мальчикъ, котораго императоръ Николай I однажды поднялъ на руки и показалъ цесаревнѣ Маріи Александровнѣ, чтобы она подарила ему такого же красиваго и славнаго внука; подростокъ, воспитывавшійся въ знатномъ Пажескомъ Корпусѣ, при Дворѣ, почти на глазахъ императорской фамиліи; юноша, который защитилъ бы императора соб-

ственнымъ тѣломъ если бѣ видѣлъ, что ему грозитъ рука цареубійцы, и который, дѣйствительно, бросился за нимъ, вопреки требованіямъ этикета, когда считалъ его въ опасности, за что получилъ неожиданную похвалу: „Ты здѣсь? Молодецъ!..“; какимъ образомъ усердный почитатель поэтовъ, самъ авторъ нѣсколькихъ повѣстей, любитель театральнаго искусства, настолько возгордившійся послѣ первыхъ апплодисментовъ, что нѣкоторое время мечталъ поступить на сцену; какимъ образомъ путешественникъ занятый географическими, этнографическими и нологическимъ задачами, изслѣдователь Манчжуріи, членъ и секретарь Петербургскаго географическаго общества — сдѣлался въ послѣдствіи анархистомъ Бородинымъ, котораго полиція заточаетъ въ Петро-павловскую крѣпость, Левашовымъ, который высаживается въ Лондонѣ, чудеснымъ образомъ бѣжавъ изъ военнаго госпиталя, отъ штыковъ часовыхъ агитаторомъ, котораго сажаютъ въ тюрьму во Франціи, странѣ самой свободы, писателемъ, который называетъ оскорбительнымъ словомъ *аристократиики* людей, среди которыхъ родился и выросъ, и *берлогой* — дворецъ Царя, которому служилъ и котораго любилъ; авторомъ, наконецъ, *Ручей революціонера* и *Завоеванія хлѣба!*

Главнымъ факторомъ характера является наслѣдственность. Какія свойства передали Крапоткину родители? На первый взглядъ можно бы сказать, что отъ отца онъ не унаслѣдовалъ ничего, до такой степени онъ на него непохожъ. Князь Алексѣй былъ фанатикомъ властныхъ феодальныхъ и военныхъ традицій. Показной милитаризмъ его, какъ и большинства его товарищей, состоялъ въ страсти къ мундиру, въ презрѣніи ко всякому другому платью и въ противномъ и вмѣстѣ смѣшномъ хвастовствѣ. Когда семья его должна была куда-нибудь ѣхать, рассказываетъ сынъ, онъ диктовалъ *приказъ* и читалъ его вслухъ „Ея Сіятельству“ княгинѣ, своей второй женѣ, расписывая путь день за днемъ и часъ за часомъ: „Если же, вопреки нашему ожиданію, отъѣздъ Вашего Сіятельства не произойдетъ въ предуказанный день и часъ, то Вамъ предоставляется право поступить по Вашему усмотрѣнію, дабы путешествіе завершилось при наилучшихъ условіяхъ“... На груди его блестѣлъ крестъ за храбрость, полученный за то, что его крѣпостной Фролъ спасъ ребенка изъ пламени.

— Но, папа,—воскликнули его сыновья Петръ и Александръ,—вѣдь, мальчика спасъ же Фролъ!

Онъ наивно отвѣчалъ:

— Такъ что же? Развѣ Фролъ принадлежалъ не мнѣ? Значить, все равно!

Уже съ этого момента видно, что ребенокъ отвергаетъ общепринятые вокругъ него идеи и обладаетъ критическимъ умомъ. Онъ не рассказываетъ, какія другія мысли возбуждаетъ въ немъ глупая и страшная тираннія отца, но описывая невѣроятныя проявленія ея, позволяетъ догадываться о своемъ душевномъ состояніи. Всѣ должны были преклоняться передъ главой дома, всѣ трепетали передъ нимъ. Если, сдѣлавъ расчетъ, онъ находилъ, что на сѣновалѣ не хватаетъ сѣна, онъ способенъ былъ броситься на кучера и избить его; если, провѣривъ счетъ, обна-

руживалъ, что сѣна слишкомъ много, то тоже нападалъ на бѣд-
нягу, почему онъ не давалъ лошадямъ назначенной порціи. Послѣ
такихъ вспышекъ, онъ иногда садился за столъ, спокойно писалъ
что-то, и передавалъ написанное своему довѣренному человѣку:

— Сведи Макара съ этимъ листкомъ въ участокъ и вели
ему дать сто розогъ.

Но предоставимъ слово автору, сыну:

„Въ домѣ царятъ ужасъ и полная тишина. Часы бьютъ че-
тыре, и всѣ сходятъ обѣдать. Но ни у кого нѣтъ аппетита, и супъ
остается нетронутымъ въ тарелкахъ. Насъ десять человѣкъ за
столомъ, и за каждымъ стоитъ скрипачъ или тромбонистъ, держа
въ лѣвой рукѣ чистую тарелку, но среди нихъ нѣтъ Макара.

— „Гдѣ Макаръ?—спрашиваетъ мачеха.

— Позовите его.

„Макаръ не появляется. Приказаніе отдается снова. Онъ вхо-
дитъ, наконецъ, блѣдный, разстроенный, смущенный, съ опущен-
ными глазами. Отецъ смотритъ въ тарелку, а мачеха, видя, что
никто изъ насъ не притронулся къ супу, старается заставить
насъ ѣсть:

— „Дѣти, развѣ супъ не вкусенъ?

„Слезы душатъ меня и, едва конченъ обѣдъ, я бѣгу: нахожу
Макара въ темномъ корридорѣ и пытаюсь поцѣловать ему руку,
но онъ вырываетъ ее у меня и говоритъ (упрекъ ли это, или
простой вопросъ?):

— „Оставъ, когда вырастешь, развѣ самъ не будешь, какъ
онъ?

— „Нѣтъ, нѣтъ, никогда!..“

Черты эти все больше заставляютъ думать, что сынъ—полная
противоположность отцу. Несомнѣнно, князь Алексѣй также видѣлъ
въ отцовскомъ домѣ подобныя сцены, и даже худшія, принимая
во вниманіе болѣе отдаленныя и варварскія времена. Но онъ не
плакалъ надъ ними, не старался поцѣловать руку наказанному
слугѣ, не обѣщалъ ему быть не такимъ, какъ отецъ, будучи совер-
шенно на него похожимъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній относительно
болѣе отдаленныхъ поколѣній; но возможно, что Крапоткины слѣ-
довали другъ за другомъ, похожіе одинъ на другого, одинаково
приспособляясь къ внѣшнимъ условіямъ и подражая одни другимъ.
Откуда же эта самобытность въ правнукѣ?

Къ знатному роду привить былъ новый элементъ, когда дѣдъ
Петра Алексѣевича породнился съ Гагариными. Въ семействѣ
этомъ, хотя тоже принадлежащемъ къ крупной знати, жило чистое
и горячее художественное чувство. Братъ княжны, на которой
женился дѣдъ, питалъ сильнѣйшую склонность къ сценическому
искусству, настолько, что содержалъ на собственный счетъ театръ
и—что, по идеямъ того времени, еще хуже—женился на крѣпостной,
актрисѣ Семеновой, къ великому скандалу знаменитой родни и всей
аристократической Москвы. Въ слѣдующемъ поколѣніи эстетиче-
ское чувство проявилось въ одномъ изъ сыновей Гагариной, кото-
рый оказался порядочнымъ поэтомъ и напечаталъ томъ стихотво-
реній, заставляя краснѣть отъ стыда князя Алексѣя.

Для объясненія поэтической чувствительности, артистической